

Сократ, аристократ с Красных Ворот
Энвер Ахмедович Макаев (28.V.1916–31.III.2004)

В один июньский день 1990 года я беседовал с Олегом Сергеевичем Широковым. Он сказал среди прочего: «Костя, Вы знаете, Энвер Ахмедович Макаев распродает часть своей библиотеки. Посмотрите, может быть, найдёте что-нибудь для себя полезное. У него хорошие книги. Но главное, по-моему, в другом. Ему не столько деньги нужны, сколько хочется пообщаться с лингвистической молодёжью. Живёт-то он давно отшельником». — «Он одинок?» — «Да. Когда-то он жил со своей матерью, но она умерла, когда ей было под 90, а ему за 60. С тех пор он один». Кто такой Макаев, я, конечно, хорошо знал. Никакой индоевропеист не может пройти мимо его книг «Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики» (М., 1962), «Структура слова в индоевропейских и германских языках» (М., 1971), «Общая теория сравнительного языкознания» (М., 1977). Слышал я и про необычное решение, принятое им: как только ему исполнилось 60 лет, он сразу вышел на пенсию и ушёл из Института языкознания. Довольно много рассказывал мне про него его ученик Марк Михайлович Маковский, зав.отделом «Вопросов языкознания», с которым я дружил — и о невероятной эрудиции своего учителя, и о его требовательности. Посмотреть на легендарного лингвиста мне было очень интересно.

По телефону, который дал мне Широков, я позвонил и договорился о встрече. И вот я в знаменитом высотном доме на площади Красных Ворот (тогда ещё площади Лермонтова). Открывается дверь, невысокий пожилой мужчина с очень внимательным взглядом, внешне напоминающий великого оперного режиссёра Б.А. Покровского, приглашает меня войти, протягивает руку. Квартира из двух комнат, заставлена старинной дубовой мебелью, огромные книжные шкафы, пианино, на окнах витражи. Хозяин с улыбкой показал мне на календарь, стоящий на столе. «Сегодня знаменательная дата — 28 июня 1990 года, — сказал он. — Дело в том, что ровно 50 лет назад я защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую синтаксису падежей в готском». После этого он подробно расспросил меня о том, чем я занимаюсь, каковы мои научные интересы. Книги он мне предложил действительно великолепные. До сих пор они украшают мою библиотеку, я активно использую их в работе. А впечатление, которое производил Энвер Ахмедович, было очень сильным, и не ослабевало за почти 14 лет нашего знакомства.

Прежде всего, поражали речевые способности Макаева. Он мог, сидя на своём любимом резном кресле у письменного стола, без подготовки прочитать часовую лекцию на очень многие темы — о языкознании, иконописи, литературе и т.д. При этом он ни разу не сбивался, не допускал ни одной оговорки, ни одной синтаксической ошибки, не делал ни одной незапланированной паузы в поисках нужного слова. Необъятна была его эрудиция. Как лингвист, прежде всего как германист, Э.А. великолепно владел всеми древними и большинством новых германских языков. Он прекрасно знал литературу на них. Как-то мы были в гостях у него вместе с Юрием Сергеевичем Степановым; Э.А. рассказывал нам содержание поздних, не переведённых на русский язык романов Кнута Гамсуна, которые прочёл по-норвежски. Он тогда высказал парадоксальную на первый взгляд мысль: Гамсун, вопреки своей репутации, не был коллаборационистом. Как ни странно, Гамсун искренне восхищался нацистами, задолго до оккупации ими Норвегии. И это действительно так. Известно, что он осенью 1941 г. получил аудиенцию у Гитлера и подарил ему свою нобелевскую медаль. Но на этой же встрече Гамсун стал решительно требовать отзыва гаулейтера Норвегии Тербовена, которого за жестокость не только ненавидело местное население, но и осуждало немецкое военное командование. Гитлер пробурчал: «После войны он уедет из Норвегии», но Гамсун продолжал настаивать на том, чтобы его устранили сейчас. Гитлер рассердился и прервал аудиенцию. Таким образом, и Э.А. это подчёркивал, Кнут Гамсун горько заблуждался, но сохранял нравственные принципы; восхищаясь «сильными личностями», гневно осуждал палачей своего народа. Имени предателя он не заслуживает. Противоречивая фигура? Но Энвер Ахмедович учил видеть жизнь во всей её полноте.

Скандинавские писатели вообще были его любимцами. Помню, рассказал я ему однажды об Эспланадном бульваре в Хельсинки, на западной оконечности которого стоит небольшой, но

очень достойный памятник великому финско-шведскому поэту Йохану Рюнебергу, выполненный его сыном Мартином¹. Выслушав, Э.А. сказал: «Дорогой мой, достаньте, пожалуйста, вон ту большую серую книгу. Это стихи Рюнеберга». Открыв её, но почти не заглядывая в текст, он прочёл строфу по-шведски, перевёл её и пояснил: «Это стихотворение *Vårt land* ‘Наша страна’, ставшее национальным гимном Финляндии».

Не менее блестящей была его эрудиция в санскрите, иранских языках, армянском (на котором он свободно говорил и читал), латыни и греческом (на которых он помнил множество стихов и изречений). В 1975 году он опубликовал статью, посвящённую соотношению архаизмов и инноваций в армянском. Завершил её он афоризмом: «У армянского языка было великое прошлое. У него должно быть великое будущее». Обычно такие вдохновенные слова посвящают родному языку. Большой русский лингвист и культуролог Э.А. Макаев глубоко прочувствовал красоту чужого языка. Что же, это одно из проявлений той всемирной отзывчивости русской души, о которой писал Достоевский.

Я бы сказал, что у этого немолодого, достаточно сурового человека оставалось в душе что-то детское: а именно, умение восхищаться. Это та черта, которая делает ребёнка великим исследователем, помогает ему за короткое время усвоить гигантский объём информации². Когда Э.А. говорил о великих людях прошлого, — философах, литераторах, языковедах, — у него голос дрожал от восторга. На столе у него стояли два портрета и скульптурный бюст. «Это мои кумиры, — говорил Э.А. — Платон, Кант и Гёте». В другой раз он заметил: «Гёте! Олимпиец! Не только гениальный поэт, но и великий учёный. А как одарён от природы! В 80 лет он не знал, что такое очки. А когда он умер, и стали обмывать его тело, то увидели, что оно по-прежнему прекрасно. Помните, об этом писал Эккерман?» В другой раз он произнёс фразу на санскрите. «Знаете, что она означает?» — «Нет». — «Пристало мудрецу знать числа и стихотворные размеры».³ — «Э.А., это ведь напоминает надпись над Платоновой Академией!» И мы с ним дружно, нараспев продекламировали:

‘Пусть сюда не входит никто, не знающий геометрии’.

Как-то мы с ним смотрели немецкие переводы «Ригведы», сделанные великим востоковедом Карлом Гельднером. «Разве это не чудо? Такие виртуозно точные переводы сложнейшего текста!» — «Гельднер ведь ещё издал «Авесту» аутентичным алфавитом», — уточнил я. — «Совершенно верно, дорогой мой, — воскликнул Э.А., явно довольный тем, что я это вспомнил. — Второй подвиг Карла Гельднера: лучшее критическое издание “Авесты”».

Восторг не означал отсутствия критического отношения. Как-то он попросил купить ему третий том переиздаваемых «Поэтических воззрений славян на природу» А.Н. Афанасьева. «Поразительная книга, — сказал он, любовно ставя её на полку. — Конечно, к этому великому труду можно предъявить много претензий: мы не разделяем положений мифологической школы, многие этимологии Афанасьева весьма наивны. Но ведь остаётся колоссальный, очень тщательно собранный материал! Он бесценен и бессмертен». — «А если ещё вспомнить, в каких условиях Афанасьев писал эту книгу — с туберкулёзом». — «Да, — произнёс Э.А. так печально, как будто речь шла о его хорошем знакомом. — Больной, гонимый... Это подвиг».

Огромными познаниями Э.А. обладал в области музыки, литературы, искусства. Как-то Э.А. прочёл нам с Юрием Сергеевичем Степановым лекцию о том, как Томас Манн понял 5-ю сонату Бетховена. После чего сел к роялю и исполнил нам её, — с высоким вдохновением. Сам он рассказывал, что в детстве хотел стать пианистом. «Но вышло так, что в нашей семье несколько лет не было рояля. И это перечеркнуло мою мечту. Чтобы просто поддерживать своё мастерство, надо каждый день, без выходных, играть по крайней мере по пять часов. Ну, а когда пианист готовится к выступлению, он играет больше. Как-то раз Станислав Генрихович Нейгауз пожаловался мне,

¹ Выдающийся скульптор Мартин Рюнеберг, кроме того, создал скульптуру Александра II, стоящую в Хельсинки на Сенатской площади.

² Считается, что 80% информации, используемой в жизни, человек получает в первые три года жизни.

³ Ругаю себя за то, что не записал её. Опираясь на своё знание санскрита, могу её восстановить так: *Vettave rbhave rtavaḥ ślokāś ca*.

что у него заболела рука. Он готовился к международному конкурсу и играл по 12 часов в день». В этом монологе проявилось столь свойственное Э.А. уважение к профессионалу и труженику, идущему на самопожертвование для своего дела. Сам Э.А. музыкантом, таким образом, не стал. Но играл, на мой дилетантский слух, вполне профессионально, дружил с большими музыкантами. Однажды я говорил об этом с Еленой Самойловной Кубряковой, любимой ученицей Э.А. Она вздохнула: «Мы очень любили слушать, как Энвер беседует о музыке с Володей Топоровым. Оба показывали бездну эрудиции и необычайную тонкость понимания».

Энвер Ахмедович Макаев был родом из старинного крымско-татарского рода. С гордостью он говорил: «Макаевы 500 лет служили России». Дед его был предводителем дворянства в Тульской губернии⁴, отец работал адвокатом в Инюрколлегии — учреждении, занимавшемся делами о наследстве за рубежом. Семья была необычайно культурной; отца Э.А. никто из моих коллег не застал, но он получил образование до Октябрьского переворота, а в то время на юридических факультетах университетов давали очень основательную общегуманитарную и языковую подготовку. Мать Э.А., высокообразованную женщину, истинную дворянку старого времени, помнили многие. Как-то Нина Давидовна Арутюнова сказала ему: «Энвер Ахмедович, я помню, как была у Вас в гостях вскоре после Вашего выхода на пенсию. Вы с Вашей мамой меня очень радушно приняли. И знаете, я ни у кого не слышала такого прекрасного русского языка, как у Фатимы Салаховны». Необыкновенным, изысканным языком отличался и сам Э.А. Он рассказывал, как к нему иногда приходил Никита Ильич Толстой со словами: «Я хочу послушать чистое старомосковское произношение!» «Я ему говорю: “Дорогой мой, Вы же живёте в самом сердце Замоскворечья — на Ордынке!” А тот грустно отвечает: “Разве оно там сохранилось?”»

Энвер Ахмедович окончил филологический факультет МГУ, где изучал германскую филологию, сравнительное языкознание, санскрит и другие древние языки. Среди своих учителей особо выделял Розалию Осиповну Шор. «Каким она была невероятным эрудитом! Как знала санскрит и историю языкознания! А когда мы восхищались её познаниями, она говорила: “Что вы! Есть в санскрите специалисты и посильнее меня. Вот, скажем, Фёдор Ипполитович Щербатской⁵. Я щенок по сравнению с ним!”» Такая строгость к себе весьма импонировала Энверу Ахмедовичу.

В 40-е годы он оказался чуть ли не единственным человеком во всём бывшем СССР, говорившим по-исландски. Во время войны он работал одновременно преподавателем Института иностранных языков (нынешний МГЛУ) и на иновещании — был диктором с исландским языком. С этим связана одна загадочная история, про которую мне рассказывали Маковский и Кубрякова: в 1944 г. Э.А. Макаев полетел в Рейкьявик в командировку, которая была очень быстро прервана. Что там произошло, они точно не знали; Э.А. об этом не распространялся. Теперь же, за давностью лет, восстановить картину невозможно. Сам Э.А. больше никуда не ездил. Он любил, когда коллеги рассказывали ему про свои зарубежные командировки, но иногда с горечью замечал: «А меня за границу не пускали». Но, слава богу, за границу шли его публикации; Э.А. состоял в переписке с крупнейшими зарубежными учёными: специалистом по руническим текстам и тохарским языкам немцем Вольфгангом Краузе, санскритологом голландцем Франсисом Кёйпером (1908–2003), блестящими американскими индоевропеистами Уорреном Каугиллом (1929–1985), Кэлвертом Уоткинсом (1933–2013) и многими другими. Помню, мы с ним говорили о Каугилле, умершем в 56 лет, написавшем много блестящих статей на разные темы, но ни одной монографии. «Я, получая от него очередной оттиск, иногда писал ему: “Вам надо оформить этот сюжет в отдельной книге”. Он на это отвечал: “Коллега, ещё не время”. Увы, так и не успел⁶». А когда я познакомился

⁴ Однажды я спросил: «Э.А., а каков был круг обязанностей у предводителя дворянства?» — «Он ведал прежде всего культурой. Театр, библиотека — всё это находилось в его попечении».

⁵ Академик, один из крупнейших в мире знатоков буддизма, автор двухтомной монографии «Буддийская логика».

⁶ В 2006 г. в издательстве Stove beech (Ann Arbor, MI) вышел том “Collected works of Warren Cowgill”, включивший почти всё, им написанное. Так у этого крупнейшего учёного наконец появилась книга, опубликованная через 20 лет после его смерти.

в 1995 г. с К. Уоткинсом, я сказал: «Enver Makaev talked me about your change of letters» — «Макаев... I remember. Germanist!», — ответил тот с улыбкой.

Э.А. подготовил в 1947 году докторскую диссертацию по проблемам исторической поэтики германского эпоса. Но он основывался на «Исторической поэтике» А.Н. Веселовского, которая была осуждена за формализм. Поэтому защита не была утверждена ВАК. Впоследствии весьма благоволивший к Э.А. академик В.В. Виноградов говорил на эту тему с министром высшего образования В.П. Елютиным. Тот сказал, что, поскольку постановление не отменено, то сделать ничего нельзя. И Э.А. получил степень доктора наук значительно позже, по совокупности трудов. Ему в голову бы и не пришла мысль что-то переделывать в своей работе в угоду требованиям момента. В дальнейшем он занимался вопросами сравнительно-исторического и общего языкознания. Его книга «Исследования по языку древнейших рунических надписей» (М., 1964) была в 1996 г. переведена на английский и издана в Швеции. Она признана важным вкладом в рунологию. Очень содержательна его самая крупная монография «Структура слова в индоевропейских и германских языках». Здесь Э.А. критикует известную теорию корня Бенвениста как статическую и противопоставляет ей динамическую модель: не отрицая бенвенистовых состояний корня, он старается разделить варианты корней на древние и новые⁷. Однажды я спросил: «Э.А., не кажется ли Вам, что начатки динамической теории корня были заложены в книге Кёйпера “Die indogermanische Nasalpräsentien”?» — «Да, конечно! Это там есть», — ответил он и снял эту книгу с полки. Э.А. не только владел колоссальной библиотекой, но и отлично помнил, где и что у него стоит.

Как бы я охарактеризовал Энвера Ахмедовича Макаева? Во-первых, ему было свойственно очень ровное отношение к людям. С академиком и студентом он разговаривал одинаково уважительно. Ну а если ему что-то не нравилось, мог сказать резкость и тому, и другому. Его возмущала научная недобросовестность. Он очень любил делиться своими знаниями с собеседником и приветствовал, когда собеседник делился своими знаниями с ним. Интересная мысль, хорошая цитата всегда радовала его. Помню, как примерно за полгода до его смерти был я у него вместе с Ю.С. Степановым и сотрудником Отдела теоретического языкознания Андреем Вдовиченко. Андрей тогда похоронил отца и с грустью говорил о том, как он прочувствовал смерть. Я в ответ процитировал стихотворение Баратынского «Гимн смерти», то самое, которое завершается так:

Недоуменье, принужденье —
Условья смутных наших дней.
Ты — всех вопросов разрешенье,
Ты — разрешение цепей!

Надо было видеть Энвера Ахмедовича! На его лице появилась светлая улыбка, глаза приобрели задумчиво-ласковое выражение, головой он кивал в такт стихам. Как видно, эти гениальные строки гармонировали с его настроением.

Во-вторых, строгий к другим, он был ещё строже к себе. Работая по 12–16 часов в сутки, он публиковал довольно мало. Уйдя из Института языкознания, он продолжал интересоваться лингвистикой, но перестал активно ей заниматься. Вместо этого он стал писать труд по истории русской культуры Серебряного века. И однажды я передал ему предложение от моих друзей Алексея Кошелева и Михаила Козлова напечатать книгу в их издательстве «Языки славянских культур». Они брали, естественно на себя и все хлопоты по подаче заявки на грант. «Э.А., как бы Вы отнеслись к такой перспективе?» — «Резко отрицательно, дорогой мой!» Я, конечно, испытал недоумение. «Но почему?» — «Ну, видите ли, я писал о Серебряном веке ещё лет 15–20 тому назад. Но ведь тогда, как Вы знаете, нам не хватало материала. Я мог только мечтать о том, чтобы прочесть, скажем, книгу Льва Шестова “Афины и Иерусалим”. А сейчас, видите — вон она стоит у меня на полке». — «Но, может быть, Вы доработаете свой текст в соответствии с новыми публикациями и

⁷ Когда вышла книга Э.А. Макаева, из Франции пришла печальная весть: Эмиль Бенвенист, один из крупнейших лингвистов XX в., перенёс инсульт. В.Н. Ярцева сказала Э.А.: «Вот видите, до чего Вы довели Бенвениста!» — «Виктория Николаевна, но он заболел раньше, чем тираж моей книги был напечатан!»

издадите? Жаль, если Ваши усилия пропадут». — «Дорогой мой, а зачем мне это сейчас нужно? Как-то заявлять о себе? В Вашем возрасте это необходимо, поэтому Вы совершенно правильно делаете, что пишете, печтаетесь, выступаете. В мои же годы это уже не волнует и особенно не привлекает. Да и сил у меня не так уж много». Подобно Сократу или Диогену, Э.А. преодолел житейскую суету, занимался любимым делом не ради признания, а только ради интереса, которое оно у него вызывало.

Помню, как отмечалось его 85-летие (конец мая 2001 г.) Вначале заседание в Институте, доклады (я говорил о его вкладе в языкознание). К сожалению, Э.А. из дома уже не выходил, и присутствовать в институте не мог. После официальной части мы поехали к нему, и он встретил всех нас очень радостно. Некоторые сотрудники видели его в первый раз, и, как я когда-то, были очарованы его мудростью и эрудицией. Я подарил ему перевод книги шведского слависта А. Ханзен-Лёве «Русский формализм». Через пару дней Э.А. позвонил мне сам. Прежде всего он сердечно поблагодарил меня за выступление: для него всё заседание записали на диктофон. Затем он сказал: «Но как Вы могли догадаться, что мне необычайно нужна эта книга? Вот я вас всех отпустил и сел читать её. Оторвался, гляжу на часы — уже четыре утра! Вот как я ей увлёкся». Детский энтузиазм и взрослая самоотверженность — так можно определить отношение Э.А. к делу.

В-третьих, он отличался удивительной душевной стойкостью. Когда я с ним познакомился, у него были серьёзные проблемы со зрением. Он не мог читать и готовился к операции. Поэтому, когда я приносил ему свои статьи, он просил прочесть их вслух. Слушал очень внимательно, делал точные замечания. Операция прошла успешно; после неё Э.А. снова получил возможность читать — надевая сильно увеличивающие очки, и с лупой. Но никогда он не жаловался, старался работать так же много, как в молодости. Спокойно относился и к одолевавшей его в старости сердечной слабости, боли в ногах. В самых тяжёлых случаях от него можно было услышать: «Извините, дорогой мой, не могу с Вами говорить. Плохо себя чувствую». Он переживал бедность, в которую впали все пенсионеры в 90-е гг. Но от денежной помощи отказывался, соглашался только, чтобы ему иногда привозили недорогие продукты, да с благодарностью принимал хороший трубочный табак. Он печально спрашивал: «Почему я, член Парижского лингвистического и Шведского рунологического общества, проработав 39 лет, оказался в таком положении?» Но и к нему старался относиться спокойно, хотя и с горечью, но без отчаяния рассказывал, как приходится себя ограничивать, чтобы покупать книги по философии и культурологии — Трубецкого, Булгакова, Бердяева. Иногда продавал иностранные книги по языкознанию. Как-то я приехал к нему со своей сослуживицей Аней Мурадовой, первым в России профессиональным специалистом по бретонскому языку. Аня, обаятельная, высокообразованная, учившаяся во Франции, произвела на Э.А. очень хорошее впечатление. Она отобрала несколько книг по кельтской филологии, я тоже взял парочку индоевропейских работ. Э.А. грустно заметил: «Дорогие мои, не обижайтесь, что я ставлю довольно высокие цены на книги. Но это очень хорошие, серьёзные, фундаментальные труды; продавать их задёшево было бы как-то неуважительно по отношению к ним». — «Э.А., ради бога, не нужно извинений! Я в последнее время видел много книжных магазинов в разных городах. Вы продаёте книги по средней европейской цене». Мои объяснения немного его успокоили. А на прощание он протянул Ане небольшую антологию ирландской поэзии и сказал: «Позвольте мне подарить Вам эту книжечку!»

Естественно, задумываясь Э.А. о конечности своей жизни, неоднократно об этом заговаривал. «Костя, сколько Вам сейчас лет?» — спросил он однажды. «Сорок». — «Какой прекрасный возраст! Есть знания и опыт, есть силы. Вам предстоит ещё, дай бог, лет тридцать активной научной деятельности. Потом придёт старость, пойдут болезни...» И через некоторое время задумчиво сказал: «Мне ведь недолго осталось. И знаете, дорогой мой, я очень спокойно, кротко к этому отношусь. Конечно, умереть в Вашем возрасте было бы страшной трагедией. В моём — это уже совершенно естественно». На эту тему он говорил всегда ясным, примирённым тоном. Такое отношение к основному вопросу человеческого бытия — его конечности — заставило меня вспомнить многих великих мудрецов прошлого: Сократа, который мог бы бежать от смертного приговора, но

предпочёл выполнить долг гражданина и подчиниться решению суда: всю ночь он беседовал со своими учениками о бессмертии души, а утром выпил отвар цикуты; Сенеку, который, получив от Нерона приказ покончить с собой, вскрыл себе вены, сел в горячую ванну и, пока оставался в сознании, диктовал свои последние мысли секретарю; Френсиса Бэкона, простудившегося во время опыта по замораживанию мяса и умершего от пневмонии; последними его словами были: «Опыт удался». Своим ровным, философским отношением к собственной смерти Э.А. встал вровень со своими кумирами. Все они до конца продумали свою жизнь и достойно приняли её бренность: «Рождение человека — случайность, а смерть — закон».

Итак, три яркие черты Э.А. бросились в глаза: его мудрость философа, его безбрежная эрудиция во всех гуманитарных науках, и, наконец, то, что можно назвать аристократизмом. Сейчас во многом утрачено понимание этого. И известный режиссёр Н.С. Михалков заявляет: «Я не интеллигент, а аристократ». Ему невдомёк, что настоящий аристократ никогда о себе так бы не сказал, так как слово это несёт весьма положительную оценку. Аристократизм никак не исключает интеллигентности. Аристократ отличается от не-аристократа только особо щепетильным отношением к чести. Поступки же Никиты Сергеевича не свидетельствуют в пользу такой самохарактеристики. Можно вспомнить, как лет 15 назад он был атакован членами национал-большевистской партии, кидавшими в него яйцами. Когда им уже скрутили руки, разгневанный режиссёр ударил одного из них ногой в лицо, — выходка, за которую бы его выдворили из любого аристократического общества. Не позволяет дворянская честь (да и никакая другая) бить беспомощного, даже если он тебя обидел. Подлинный аристократизм в поведении демонстрировал внук предводителя дворянства Энвер Ахмедович Макаев: простота в общении, невзирая на чины и ранги; твёрдость в собственных принципах; строгость к себе; стоическое отношение к жизненным трудностям; великодушие.